

Дмитрий Шашков

Старик

16+

Дмитрий Андреевич Шашков

Старик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66240860

SelfPub; 2021

Аннотация

Старость принесла ему болезни, немощь и равнодушие близких. Сможет ли он сохранить от разрушения свою личность?

Дмитрий Шашков

Старик

Просыпаюсь в своей постели утром. Довольно рано, должно быть, небо за окном хмурится, солнца не видать. Часы тикают – ну да что на них смотреть – часом больше, часом меньше... Мне некуда спешить, можно было бы и не вставать вовсе. Что-то мне снилось ночью? Что я опять молод, что мне скоро нужно вставать, спешить на работу. Или сначала детей снарядить в школу? Как давно это было! Уже не помню, дети выросли, память ослабела... Помню только, что тогда я быстро вставал, утром каждая минута была на счету, всё успеть, успеть... Теперь и думать нечего так быстро встать – если попытаться, немощное тело пронзит боль – негнущиеся суставы, будто ветви сухого дерева, разве что не скрипят. Нет, теперь я встаю очень долго, очень медленно.

Сначала молитва. Прямо так, лёжа. Прошли времена стояния на молитве, земных поклонов, – теперь последний свой поклон я смогу сделать ещё лишь однажды, когда паду, чтобы уже не встать. Ну, впрочем, полно! Встану, как все, в конце времён, в воскресение всех мертвых. Паду в немощи, восстану в силе, по апостолу Павлу. А пока молитва, лёжа навзничь. Не так ли и мертвецы в гробах? Нет, не так, те просто спят. А души их... Со святыми, или где? Кто как...

Когда-то я думал, что в старости буду целые дни прово-

дить в занятиях исключительно духовных – ведь свободного времени будет много, и ничто не будет отвлекать – целыми днями молитвы, душеполезное чтение, аскетические подвиги, как у какого-нибудь древнего подвижника. Что ж, времени теперь действительно много, только сил нет ни на что.

И всё же, прочёл утреннее правило, и появились силы потихоньку вставать. Сначала сажусь прямо, потом осторожно, стараясь не сгибать спину, спускаю одну ногу, затем другую. Даёт себя знать старая грыжа. Ну, вот ноги и на полу уже, только опять мимо тапочек. А ведь когда-то я бы за ними легко нагнулся – даже не верится! Носки я на ночь обычно не снимаю – проблема будет их потом надеть. Иногда, конечно, приходится их всё же сменить, но это большой труд...

Вот я уже иду на кухню, завтракать, принимать лекарства. Потом читаю чего-нибудь. С чего сегодня начну? С кого-нибудь из святых отцов или с художественной литературы? Подумаю как раз за завтраком. Всё же слабеющая память – очень обидное явление. Так читаешь вроде немало, а всё утекает из головы, как песок сквозь пальцы, и уже не помнишь толком. Вот, положим, Боэций – он иже во святых отцах наш, или просто писатель тех давних времён, времён расцвета святоотеческой литературы?.. Помнится, его «Утешение философией» произвело на меня довольно мрачное впечатление – какое уж там «утешение»? Ложись, да помирай!.. То ли дело Григорий Нисский – тот и когда о мёртвых младенцах пишет, получается как-то обнадёживающе,

во всём находит смысл и правду. Или взять Андрея Кесарийского с его толкованиями на «Апокалипсис» – там и конец света светел! Второе пришествие Христово!.. Вот на кого ровняться бы, а я разнылся про свои болячки.

Звонок телефона! Неужели я кому-то понадобился? Или опять реклама? Сейчас-сейчас, дойду до тебя, телефон. Небыстрое это дело! Как же хорошо, что ты не позвонил, когда я был ещё в постели! Я бы точно не успел, только наверняка опять впустую надорвал бы спину, а потом мучился бы вопросом, кто это и зачем мне позвонил... Да ещё болью в спине. А тут я уже и проснуться успел, и помолиться, и встать. Слава Богу за это! А вот и телефон. Я успел!

– Алло?

– Привет! – звонкий, торопливый голос дочурки! Сколько в нём жизни!

– Здравствуй, радость моя! Как ты?

– Хорошо, хорошо, – она торопится, понятно, дела... – ты не мог бы... В общем, я к тебе Кирюшу заброшу, не с кем оставить, хорошо?

– Конечно, конечно! С радостью! – Кирюша, внучок мой, сколько его не видел...

– Ну, тогда мы скоро будем.

Вот это подарок Божий! Кирюша скоро наполнит мой дом своим звонким детским смехом! А я уж, было, приуныл с утра – вот ведь старый дурак! У меня и дети, и внуки – где же тут унывать? У кого-то их нет. Кто-то и с постели встать

не может, как ни трудись! Грешно мне жаловаться!

Только теперь за дело. В холодильнике шаром покати – нужно скорее в магазин – накуплю для Кирюши, что он любит к чаю.

Дело это для меня непростое, магазин, но когда есть для кого трудиться, я ещё и не то смогу. И слава Богу, что есть для кого!

Вот собираюсь в путь, одеваюсь. Часы на руку надел – пришлось потрудиться, пальцы плохо уже слушаются. Теперь негнущиеся руки в рукава пальто, одной рукой направляю другую, вот и готово! Теперь палки. Кто-то шутил, что в детстве, мол, человек на четырех конечностях ходит, на четвереньках, во взрослые годы, понятно, на двух, а в старости на трёх, то есть с палочкой. Ну, а я вот уже опять на четырех – одной палочки мне мало, использую две. Впрочем, с их помощью вполне себе передвигаюсь. Так и шагаю, переставляя их по очереди, а потом и ноги по очереди – раз, два, три, четыре – как в том мультике, что так любит Кирюша, там, вроде, про лошадь речь шла... Память, увы... Кто-то писал про старость, что "всем бедам беда" – ну да это ложь! – сегодня я это понял, вот сейчас! Главное, чтобы было о ком позаботиться хотя бы чуть-чуть, для кого в магазин, например, сходить.

Итак, собравшись, эдаким «четырёхногим пальто» выбираюсь на лестницу, закрываю за собой дверь, ключ в карман, жду лифта. Работает! А ведь если бы не работал, всё сорва-

лось бы, подумать только! Вниз-то я без лифта ещё может как-нибудь, а вот наверх... Впрочем, можно было бы вызвать лифтеров и понадеяться, что они как раз управятся, пока я в магазин хожу... Почему нет? Всегда есть выход!

Спустившись на лифте, не спеша выхожу на улицу – торопиться тут нельзя, путь неблизкий, надо беречь силы. Так, помню, когда-то в армии, в нашем гвардейском разведбате, когда бежали марш-бросок, – начинаешь всегда бодро, полный сил, но знаешь уже, что надо экономить силы, что к концу маршрута их будет ой как не хватать. Так, кстати, и в жизни – начинаешь бодро, полный сил...

А всё же славно пройтись по улице, даже так медленно, как это у меня теперь получается, хоть и погода хмурится, и что с того? Разве небо, когда оно в тучах, не небо? Не прекрасно? О, так может говорить только человек с совершенно не развитым чувством прекрасного! Да, благодарю Господа за эту прогулку – Господа и Кириюшу!

А вот и молодежь меня обгоняет, парень с девушкой, в обнимку, щебечут о чём-то – такие милые они и нежные! Любо-дорого смотреть им вслед! Жаль только быстро убегают вперёд, а я отстаю.

А вот и магазин недалеко уже. Но и усталость даёт себя знать. Ничего-ничего, на то и марш-бросок, чтобы устать. Сверх моих сил мне Господь нагрузки не даст. Если б когда дал сверх сил, я бы давно надорвался и умер, а я вон до каких лет дожил! Ничего-ничего, ещё немного, главное не останав-

ливаться, а то можно уже и не пойти снова, после остановки. У меня как-то так было уже – остановился на улице, думая отдохнуть, а двинуться дальше уже не смог – силился, силился, пока не упал – хорошо добрые люди "скорую" вызвали... Не сдаваться, не сдаваться! Вот мимо того дерева сейчас уже пройду, потом мимо следующего, затем газетный ларёк будет, и – я у цели!

Добравшись, всё же пришлось присесть прямо у окна магазина, на внешний подоконник – как он тут кстати оказался! А то бы точно упал бы где-нибудь, и тогда опять "скорая", больница, и тут уж никакого Кирюши! И ведь лавочек у магазинов не ставят, вроде незачем, где-то на ограде, на жердочке, я присесть, понятно, давно уже не могу, а тут подоконник – широкий и удобный, нужной высоты, что самое главное, не слишком высокий для меня и не слишком низкий. Это в молодости можно не верить в Промысел Божий о нас, а в старости – просто глупо не верить, когда чуть не на каждом шагу примечаешь о тебе эту заботу, Промысел... Не оставляет меня «в старости, ввсегда оскудевати крепости моей».

Рядом присаживается нетрезвый мужичок, смотрит на меня в упор, и говорит:

– Дед, дай закурить.

– Я не курю.

– Как не куришь? – удивляется он.

– А вот как курю, только наоборот, – вспоминаю старую

армейскую шутку. Что-то меня всё на воспоминания об армии потянуло? Ах да, марш-бросок ведь... А мужичок шутки не понял, видно в армии не служил. Жалко его – с таким пьянством долго ли протянет? Он мне, наверно, по годам в сыновья годится, а выглядит стариком, как я.

Ну, пора вставать, тащить свои старые кости в магазин, а то не успею вернуться до приезда дочурки с Кирюшей, да ещё надо чайник вскипятить, чай заварить. Смотрю на часы на руке, – впрочем, успеваю аккуратно – я-то знаю, сколько времени им ко мне ехать. А у меня ведь сейчас опять время расписано почти по минутам, почти как в молодости! Вхожу в магазин, задерживая всех вокруг – пока переставлю свои четыре конечности, раз-два-три-четыре. А вокруг все спуют на своих двоих – раз-два, раз-два... Ну да, конечно, вспомнил тот мультфильм! Как мы с Кирюшей скоро славно вместе повеселимся над ним!

Корзинку в магазине нести не просто, когда руки заняты как дополнительные ноги, но тут у меня давно придумана хитрость – вешаю корзинку на выступ рукоятки палки. Так и иду. Добираюсь до витрин, не спеша, с толком выбираю Кирюшины любимые сладости – тут, надо сказать, память меня не подводит. Направляюсь к кассе, небольшая очередь – да, впрочем, настоящих очередей-то теперь и не бывает.

Вот и опять на улице, опять мой марш-бросок. А небо как будто светлеет всё больше – облака редуют, вот-вот уже и солнышко пробиваться будет. Ветерок свежий подул, закру-

жил вокруг меня хороводом последние золотые листья. А я всё ближе к цели, усталость опять даёт себя знать – ну да ничего, не впервой! Как бы только лифт меня не подвёл; на обратном пути – вот это будет беда. Но нет, лифт в порядке, поднимаюсь, отпираю дверь, вхожу. Одышка немного мучит, но недолго. Развоплощаюсь из своего серого пальто, направляюсь на кухню в предвкушении приятных хлопот – чайник, чай. Проверяю опять время – успеваю отлично!

И тут снова звонок телефона – что ж, оставляю чайник с водой, выхожу из кухни – где-то я телефон опять оставил? А, вот он. Опять дочурка, – что ли, подъезжают уже? – нажимаю «ответить».

– Пап, слышишь? Отбой, не понадобилось. С Кирюшей сами разрулили. Извини, что побеспокоила. Отдыхай, пока.

И гудки.

В глазах темнеет. Машинально снимаю с руки ставшие снова ненужными часы. Что ж, Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!